

кИ 1044217

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ДНИ
ПРОЗРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

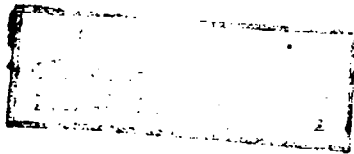
ДНИ
ПРОЗРЕНИЯ

СТИХИ
ПОЭМЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА
1985

1044217

PC
84 P7
P89

+ k₁

P $\frac{4702010200-351}{078(02)-85}$ 240-86

СТІХІ

* * *

Только травы на покосах лягут,
Припасай лопату — столько ягод.
А прокатит гром парной грозы —
Той лопатой и грибы грузи.
Это Север. Это русский Север.
Здесь, содвинув домны и поля,
Зреет сталь и зреет рожь и клевер.
Здесь тугая от корней земля.
Ельниками выпилено небо,
И в прохладе белых городов,
Словно весть веков, узорноленно
Легкое паренье куполов.
Здесь дома, что кружева, воздушны.
Люди — голубой да карий взор —
Простодушны, нет, великодушны,
Как велик за Вологдой простор.
И частушки вяжут поясами,
И по миру катится молва,
Что за вологодскими лесами
Вырастают спелые слова.
В спелом слове — огневая сила.
Взял его — будь к подвигу готов,
Чтобы правда в книге простушила,
Будто соль на спинках земляков,
Будто эти в синих тучах дали,
Где терпеньем, мужеством, трудом
Щоколенья землю обжигали
И где мы распахнуто живем.

* * *

Как свернул за поля, так и замер!
Предо мной, будто ждал с давних пор,
Поднимался из детства тот самый,
Да, тот самый, забытый угор.

Ах, каким он бывал крутосклонным!
Заползем и не верим глазам —
В солнце весь! И над полем зеленым
Он желтел, будто солнышко, сам.

А теперь затенили осины
И осыпался прежний откос.
И его я за выдох осилил,
Встал — и сердце внезапно зашлось.

А вдали за осинами синий
Вдруг открылся всей жизни простор,
Будто высился горной вершиной
Подо мною заросший угор.

* * *

Взглянул на мать тревожно: как сдала! —
И сердце враз унало и запыло.
Приехать бы пораньше — все дела,
Да что кривить — приехать можно было.
Но от нее хотя б какой упрек,
Хотя б намек на это... Вновь бодрится:
«Ну, как твое здоровье-то, сынок?..»
О тихое величье материнства!

— По рыжики не выбратся ли нам? —
 Мать говорит мне, под руку толкая,
 И щурится с крыльца по сторонам, —
 Погода-то привольная какая!

Ну, что молчишь? С собою позови... —
 А я на мать любуюсь с интересом:

Свои грибы и ягоды свои

Давным-давно повыбрала из леса.

— Пойдем! — я улыбаюсь, и она,

Держась меня, бредет в раздолье просек.

И под платочком темным седина —

Как белый отблеск встреченных березок.

Щемит мне сердце близостью такой.

Мы с матерями странно отдаленны.

А тут она вот рядом, под рукой,

И на душе от листопада звоны.

Как торопливы, как слабы шажки!

Сбавляю шаг, и мне ничуть не тяжело.

— Вот Утичье, — вздохнет, — вот

Подстожки,

А это, боже мой, да ведь Корчажка!

Ой, заросла. А как была чиста!

И вновь стоит среди скошенных угодий...

Что для меня — грибные лишь места,

Для матери — судьба, труды и годы.

Я сокрушенно вместе постою,

И, отдалясь, пойду Корчажкой с краю,

И в звонкую корзинищу свою

Знай рыжики ядреные бросаю.

Мать подожду. Она бредет ко мне,

И след ее оиять раздумьем выслан.

Ну а в корзинке на глубоком дне

Одни лишь листья, золотые листья...

* * *

С просьбой тихой и неловкой
Мать стоит передо мной:
«Мне б постель набить соломкой,
Понимаешь ли, ржаной».
В доме глянь — матрас к матрасу
И перина — вот она.
Завались — накроет сразу
В две волны объятjem сна.
Не ложится — слишком пышно,
И подшучивает мать:
«Да, смешно под старость вышло —
Стало не на чем поспать...»
Где ты, рожь? Эх, домовито
Рыжим ветром окружи!
Вышел в поле — ржи не видно,
Столько лет — не видно ржи.
За пять верст у крайней фермы
Отыскал-таки скирду.
Очень грустно, очень нервно
Взял соломы и бреду.
Мать довольна. И отныне
Снятся ей, крестьянке, в снах
Наши вотчины ржаные
И сама с серпом в руках.

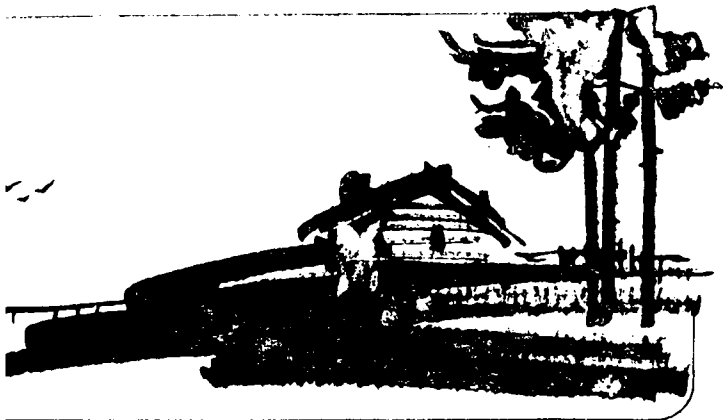
* * *

Запела мать... Да вправду ли запела?
Не плачет ли? Да точно ли она?
Я не дышу, стою оторопело.
Да, это мать. Не плачет. Песнь слышна!
Я редко слышал материно пенье,
Лишь в детстве раннем.

После — никогда.
И потому оно как откровенье
Сверкнувшего ручья из-подо льда.
О чем она? Слова как будто в тайне,
Лишь голос пробивается едва.
Но жизнь, как снег, от этой песни тает,
Вот-вот и брызнет давняя трава...

* * *

Что бы мне еще узнать
Из бывшего-прошлого?
Обо всем, что помнит мать,
Кажется, опрошено.
Сядем, нечку истонив,
У окошка снежного
Под березовый мотив
Самовара прежнего.
И наступит тишина.
Тут я и почувствую —
Мать опять отдалена
Тишиною грустною.
Улыбнусь и спохвачусь:
— Что не пьешь, чаевница? —
И она в смятенье чувств
Словно бы опомнится.
Вскинет добрые глаза,
Ну а в них непрошено
Поднимается слеза
Из бывшего-прошлого...

* * *

Не спится матери, все бродит,
И домовая тишина,
Как горько сдвинутые брови,
Над сном моим напряжена.
Спросить бы, сесть бы с нею рядом,
Но знаю (было так не раз) —
Меня окинет резким взглядом
И не поднимет больше глаз.
И скажет: «спи, да, я здорова,
Ну где же вам меня понять?»
И отвернется, и ни слова...
Так что же мне поделаться, мать?
И впору вспыхнуть, рассердиться,
Не удержаться от обид,
Но поглядишь — она, как птица,
Как птица слабая, спдит.

Одна сидит в своем гнездовье,
Где выла буря, стынет тишь,
Одна сидит в платочке вдовьем,
И ты смолчишь.

* * *

Для матери в день рожденья
Раскидисто и светло
Вот это стихотворенье
Черемухой зацвело...
Казалось бы, день заглавный,
Его ли не отмечать!
Но мы — как вину загладить? —
Свою забывали мать.
Она — да напомним разве,
Подскажет разве она?
Ведь столько праздников разных,
И так широка страна.
О, русское бескорыстье,
Безмерная доброта!
Немного великих истин,
Но эта — именно та.
До праздников ли домашних?
Себя позабуди, пока
У младших детей и старших
Одежка еще легка...
За долю, за жизнь такую,
Которую нам принять,
Я руки твои целую,
Моя усталая мать.
Над нами и в далях огромных
Немало копится гроз,
Но празднично от черемух
И буднично от берез.

Всю местность, всех дорог витьё
Пройти и дня хватало,
Но наглядеться на нее
И целой жизни мало.

ПИЛИМ СНЕГ

Вьюга праху накрутила,
Нашу крышу давит снег.
Стонут балки и стропила,
И в окошках свет померк.
Чертов снег!
Эй, соседи, выручайте!
И с веревкой удалец
Но закраицам взрывчатым
Взлез на крышу наконец.
Молодец!
Вот и петлей ловко схвачен
Туполобий тяжкий снег.
И у нас в руках горячий
Струн крученых пересверк.
Пилим снег.
Грозен он и всех нас выше,
Утвердился как навек.
Но под ним шумят на крыше
Наши взмахи вниз и вверх.
Вниз и вверх.
Пилим, руки обжигая.
Треснул снег, скалой навис,
С одного, с другого края
Поскользнулся сверху вниз.
Ну, вались!
И взметнулся облак мглистый.
Рамы крестятся впотьмах.
Глыбы ухают со свистом

И взрываются в буграх.
Снова в прах.
Дом трясут, стреху колышут,
Завихряют льдистый след...
Гул — все тише, дом — все выше,
И в окошках — белый свет.
Как завет!

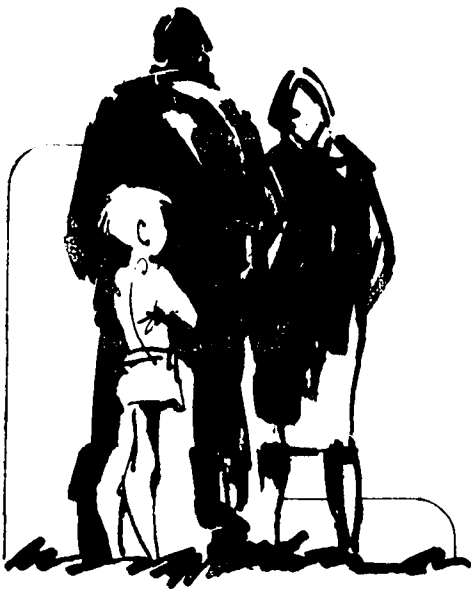
КАЛИНОВЫЙ КУСТ

Морозы суровы,
Но он, красноуст,
Лишь топчет сугробы,
Калиновый куст.
С утра нараспашку
У всех на виду
В пунцовой рубашке
Пылает в саду.
А вьюга нагрнет
И скрутит в дугу,
Он гроздьями рдяно
Проступит в снегу.
Но выглянет солнце —
О радостный вид! —
И куст отряхнется
И снова горит.

МОЛОДОМУ ЗЕМЛЯКУ

А кругом — леса, леса.
Солнце как горошина.
Будто жизнь и доля вся
Хвоей огорожена.

У тебя в душе тоска
Тяжелее волока.
У тебя в глазах — Москва,
Ну, хотя бы — Вологда.
Неужели здешних мест
Слава так уронена,
Что скорей, скорей — в отъезд,
Не мила и родина!
Только в чем ее вина?
В том ли, что нелюдная,
Бездорожная она,
На подъемы трудная?
Иль что памятью горька,
Ивняками устлана,
Деревянная пока,
Тихая да грустная?..
Что ж, когда ее не жаль,
Для работ просторную, —
И катись, и поезжай
На чужую сторону.
Позовем потом сюда
Пахарей из Грузии,
Чтобы лес да лебеда
Пашню не заузили.
И тогда в иной тоске,
С думой озабоченной
Станешь бредить вдалеке
Брошенной отчиной.
Для нее не тратил сил,
С ней в нужде не выстоял,
Подвиг свой не совершил,
Может быть, единственный.

СЕМЬЯ

— Есть кто живой? — спросил мужик,
Переступив порог.

От взгляда встречного поник
И до костей продрог.

Придя из тундровых трясин,
Попал и здесь на зыбь.

— Прости меня. А где же сын? —
И голос вдруг осип.

— Да сыну ты чужой, чужой! —
В лицо ударил крик.

И с перевернутой душой
Застыл седой мужик.

Влетел мальчишка в эту злость,
Помедлил у дверей
И догадался, что за гость,
И к матери скорей.
У гостя горечью свело
Морщины. Наконец
Она вздохнула тяжело:
— Сынок, вот твой отец. —
...С утра кремневые кряжи
Под колуном тряслись.
Он их крушил, он их крошил,
Как путаную жизнь.
Сыннишка глянул из крыльца —
И поднялась со дна
Души угрюмого отца
Слеза. Ох, солона!
С кряжей летел и треск, и дым,
И пар с волос седых.
Метались молнии над ним
Поленьев смоляных.
И вот хозяйка — суд и власть —
Пришла, тиха, ровна,
И стала на просушку класть
Семейные дрова.
А он кипел, как молодой,
От грома колуна.
И красотою прежней, той,
Румянилась она.

* * *

Бабы поснимали полушалки:
Вытаяли первые лужайки.
Словно это соты желтобоки
Медом налились на солнцепеке.

Бабы к ним, смеясь, бредут по снегу,
Будто не видали их от веку.
Добрались, ступили, как на угли —
Лишь трава, цветы давно потухли.
Ах, воспоминанья дорогие!
Что ж, цветы поднимутся другие...
Бабы, помолчав, переглянулись,
К солнышку щеками потянулись.
Снова щеки и смуглы и жарки...
Вытаяли первые лужайки.

ДЕЛО

Дело любит упрямый характер.
Ты садишься за рычаги,
И в ночи твой оранжевый трактор
Виден там, где не видно ни зги.
Хорошо, если спорится дело,
Если сердце и ум заодно,
Коль тебя самого разогрело,
И других обогреет оно.

ВСХОДЫ

Нет восходов — и люди томятся.
Сверкнут — о, награда за труд!
И легким зеленым туманцем
Над черною пашней всплывут.
От речки до хвойной опушки,
Наверное, тысячный год
На голос российской кукушки
Зеленое пламя плывет.
Просторно, свежо и щемяще!
И спрашивать незачем тут:

Взгляни и узнаешь по пашне,
Какие здесь люди живут.
Какая их совести мера,
Какие надежды у них,
Какая в домах перемена
И в душах и в думах самих.

* * *

Майский лес галдит, кукует,
Крячет, цвинькает, свистит,
Заливается, воркует,
И трепещет, и звенит.
Птицы возятся попарно,
Зелень видится насквозь.
Клены бродят, словно парни,
Меж застенчивых берез.
Ну а верба пахнет ульем,
И с налету — ох, смела! —
Обжигает поцелуем
Захмелевшая пчела.

ЗАЗИМОК

Взмок большак, проселок вымок,
Мир весенний свеж и нов.
Но ударил вдруг зазимок
Из полуночных лесов.
Там зима еще таилась.
Знать, сладка бывая власть:
Не меняя гнев на милость,
В мир зеленый ворвалась.
Снег, как отрок малолетний,
Пел своею белизной:

«Я последний, я последний,
Подышите, люди, мной...»
Что ж, дышали поневоле
В тесноте горячих дел.
Только жаворонок в поле
Не качался и не пел.
Снег смеялся и слезился
Под молчанием небес.
Он безвременно явился
И беспamięтно исчез.

* * *

Погибали на моих глазах
Яблони. О, как черно, нелепо
Сучьев костенеющих размах
Громоздился в голубое небо!
Лишь один-единственный листок
Зеленел и трепыхался слабо,
Но и он погас, как бы истек,
Как душа из судорожных яблонь.
И присевший было воробей
Почиркать —

радостное дело!

Что-то понял, смолк и оробел...

Что-то и во мне окоченело.

И теперь проснусь в полночной мгле,

Слышу скрип и скрип —

до изнуренья,

Кажется — уже на всей земле

Мертвые качаются деревья.

Не могу! Все силы изошли!

Где моя душевная укрепа?

Гниль я вырубаяю из земли,

Ветки выволакиваю с неба.

У раскаленных чисел.
А дед свои календари
На пашне за деревней
Листал от утренней зари
И до зари вечерней.
Такой размах его гульбы
С душою был согласным,
И календарь его судьбы
От этих зорь был красным.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ОКНО

Затуманивали тучи
Итальянское окно.
Я не знал, что так певуче
Называется оно.
За избой в тесовы сени
Прорубил когда-то дед,
Чтобы круглый год весенне,
Широко вливался свет.
Я названье это с грустью
Повторяю так и сяк,
Опершись рукой на русский
Обрамляющий косяк.
Что томит в названье этом?
Как сюда занесено?..
В тишине играет светом
Итальянское окно.

* * *

Еще не выше трав рябинки
У изгородей полевых.
Еще не веточки, а жилки

Лилово тянутся у них.
И ты, случайный здесь прохожий,
Их не задень и не примни.
Сплетут у наших бездорожий
Живую изгородь они.
Однажды, поздно или рано,
Привстанут — ветка к ветке в ряд —
И ослепительно багряно
Поля скупые озарят.
И трактористы в дне далеком
Нарвут кистей, что покрупней,
И обожгутся горьким соком.
А в нем настой и наших дней.

РОДИЛСЯ ВНУК

И льется, льется с крыши дождь.
Который день я это слышу!
И там, где сухо, где не ждешь,
Он прошибает нашу крышу.
И ветер, стужей леденя,
В пазы, в углы свистки вбивает.
И сердцем чую: у меня,
Как в окнах свет, жизнь убывает.
Тревожны совести суды.
Казнюсь в десятый раз и сотый:
Не оценил твои труды,
Не обогрел твои заботы...
Стучится мокрый почтальон.
Откуда он в ненастье это?
Твое письмо вручает он,
Как ожидаемое лето.
Родился внук! Родился внук! —
Твои слова от спешки кратки,
Но разомкнулся жизни круг —

И в мире новые порядки.
И взгляд свежит такая рань,
Такая даль, что нет и следу.
Так лейся, дождь, и барабань —
Встаю и в будущее еду.

ИМЯ ВЫБРАЛИ ИВАН

Кто сказал, что это имя
Молодецкое — Иван
Вдаль ушло невозвратно,
Закатилось в синь туман?
Нет, вовеки не исчезнет!
И, как слава россиян,
Будет в сказке, будет в песне,
Будет в мире жить Иван!
Вот и сын в порыве славном
Поворожденного взял
И его назвал Иваном,
В память прадедов назвал.
Как звучит оно, послушай,
Это имя по слогам:
Ваня, Ванечка, Ванюша,
А Ванюша машет нам.
И улыбкой сердце греет.
Наша радость — через край.
Подрастай, дружок, скорее,
Крепко на ноги вставай!
В жизни трудно. В мире сложно.
Путь распахнут далеко.
Что же истинно? Что ложно? —
Разобраться нелегко.
Но твои наступят полдни,
Возмужаешь и поймешь.
Только чей ты родом — помни,

Помни — душу губит ложь.
И тогда найдутся силы
Все осилить рубежи.
Честь родительской России
Высоко, Иван, держи.

БАБУШКА

На прялке сидело солнце,
И руки, светясь до жил,
Кружили век веретенце,
Как будто бы вихрь кружил...
В руках уже нету сил.
Но вот,
Чтоб выпустить пчелку,
Малыш окно растворил.
Рванулись руки к внучонку,
Чтоб он в окно не ступил...
На это хватило сил.

* * *

Мудра печаль в полях вечерних,
В лиловой зыбкой тишине.
Здесь в сокровенных означеньях
Явилось прожитое мне.

И я минувших лет касался,
И видел в них точней зеркал,
Каким я сам себе казался,
Каким на самом деле стал.

ДРУГ

Памяти Н. М. Паугова

Был у меня старинный друг.
Знобит от мысли — был...
Теперь его звезду не вдруг
Найду среди могил.
А что скажу? Кому скажу?
Слова, как сон, пусты.
Лишь у могилы посижу
В тени его звезды.
И в поле сорванный цветок,
Что по пути припас,
Пусть ляжет строг и одиноч,
Как сам я в этот час...
В войну сведенные судьбой,
Мы знали свой причал.
В любую пору, в срок любой
Друг радостно встречал.
Из-под очков пыливый взгляд,
Рабочих рук обхват.
Тот, кто душой своей богат, —
Не для себя богат...
Тень от звезды — о! — холодна
В затишье трав густых.
И жизнь одна, и смерть одна,
А память — на двоих.

* * *

Ветры с севера подули,
Эх, с родимой стороны!
Мои думы, словно угли,
Пламенно раскалены.
Зашумели, закачались,

Залохматились леса.
Моря Белого курчавость
Заплеснула небеса.
Ветры с севера всё дале
Завихряли пыль холмов
И с налету охлаждали
Праздний жар пустых голов.
Легкодумные затеи,
Своеволие страстей,
Беззаботный и шутейный
Крен к делам и жизни всей.
Ветры с севера все шире,
Все мощней неслись, как весть,
Что в тревожном нашем мире
Трезвость есть, суровость есть.

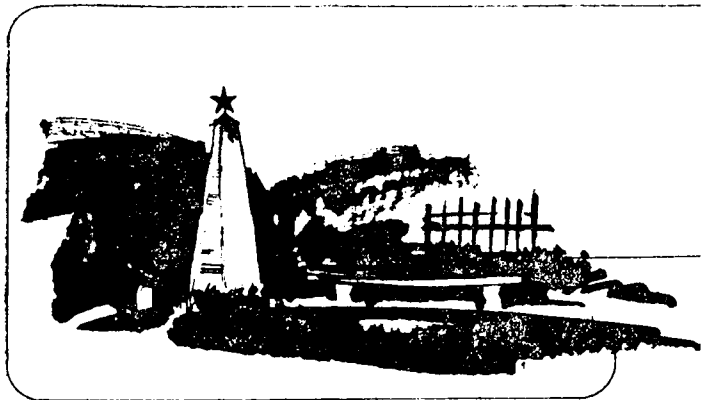
* * *

Взметнутся стаяй журавли с болота,
Покружатся и снизятся опять.
Им улетать как будто неохота,
Но все равно им надо улетать.
Мне ль не понять их в тишине вечерней,
Когда брожу печален и угрюм:
Во мне самом великие кочевья
Неотвратимо постоянных дум.
То в глубь такую,
Под такое небо,
В пласты времен таких,
Где прах и пыль
И где, конечно, никогда я не был
И быть не мог, но все же будто был.
То в даль такую, что подобна чуду,
К заглавьям дней таких,
Что не прочесть,

И где, конечно, никогда не буду,
Но где уже незримой тенью есть.
И все-таки,
И все-таки кочевья
Вот этих дум, а может быть, души
Приткнутся вновь в рябиновом свеченье
Теперешней обманчивой тиши.
Вот здесь, у поля, луга и болота,
И у дорог, что Русью пролегли,
Где жить, любить, бороться и работать
И вновь куда вернутся журавли.

* * *

Все думаю о тех, кто не пришел
С полей войны. О, как они бы жили!
Невзгоды наши — меньшее из зол —
Они б в мешки солдатские сложили.
И, закружив своих невест и жен,
От радости, о, как бы их любили!
И не один бы гений был рожден,
Но гениев тех на войне убили...

* * *

Нет, не забыть мне той работы,
Которой были мы сильны:
До иступленья, до ломоты,
До ста потоков вдоль спины.
До крика дружного «Эх, взяли!»,
До сотрясения земли,
До стога, слышного едва ли,
До озаренья, что смогли.
До немоты, до ликования,
До той усталости, что в ночь
Лишь и помочь могла бы баня,
Да истопить ее невмочь...
Жизнь тех людей уж на излете.
Они уходят. Но и впредь
Их сокрушительной работе
В победной бронзе пламенеть

ЗАВЕЩАНИЕ

Памяти батька Василя

Он умирал... Что завещать?
Вещей совсем не нажил,
Хоть век свой думал о вещах,
Которых пет в продаже.
И все ж хотелось по себе
Племяннику на память,
Что было дорого в судьбе,
Чего-нибудь оставить.
Рубанки, что ли, топоры?
Он их ценил, крестьянин.
Они исправны и добры.
Вон весь верстак заставлен.
Но нет: племянник городской...
Скрестя бессильно руки,
Он этой думой, как тоской,
Свои усилил муки.
Лоб холодел, как от росы,
И сердце стало падать.
И вдруг он вспомнил про часы!
Часы — вздохнул — на память.
С войны — добавил — мировой...
И в полутени липкой
Вдруг осветился сам не свой
Далекою улыбкой.
Часы — они кружком глухим
Забыто холодели
В мешочке, сшитом им самим
Из лоскутка шинели...
Я взял часы. Со скорбью взял...
Штрихами гравировки
На крышке врезаны в металл
Крест-накрест две винтовки.

А возле них по серебру —
Что пули, точки ровно
И «За отличную стрельбу»
Начертано сурово.
С трудом нашел я те слова,
Что тут необходимы.
Часы в руке, блеснув едва,
Затмились горьким дымом.
Старик у смертной полосы,
В безвыходной печали,
Затих и смолк... И лишь часы,
Одни часы стучали.
Они в тот миг огнем зажглись,
Толкнула тяжесть в спину,
Как будто прожитую жизнь
Старик к моей придвинул.
И все мое, что он берет:
Рубанки да ножовки,
Шинели серой доскуток,
Крест-накрест две винтовки.

ПЕРЕД РЕЙХСТАГОМ

Я стою у ворот Бранденбургских,
Шум в висках — сердце мечется так:
Светом окон зашторенно-тусклых
За стеной громоздится рейхстаг.
Вот он, призрак паучий. Он рядом...
Резь в глазах. И я вижу в дыму,
Как мой дядька последним снарядом
Напрямик гвозданул по нему.
Он всадил, может, с этого места,
Где стою, свой последний снаряд
С полным правом и гнева, и мести,
Дядька мой, победитель-солдат!

И я вижу: в пыли он берлинской
Здесь вот, здесь, под смолкающий гул
В первый раз распрямился без риска
И глазами устало сверкнул...
Путь кровав у такого исхода —
Вал огня полземли искромсал.
Дядька с пушкой четыре шел года,
Я летел лишь четыре часа.
...Люди, люди! Ваш чувствую локоть,
Хоть и разны у нас языки.
При раздоре — мы страшно далёки,
А при дружбе — отратно близки!

* * *

Враги опять о том же — о войне.
Крикливость их
 уму невыносима
И гневом отзывается во мне.
Дрожит эфир ночами, как трясина.
...А у меня три сына.
Смотрю на снимок фронтовой отца,
Давно могильный холм с полями вровень.
Но мать моя тоскует без конца,
И мы, три сына, тяжело хмурим брови.
...И у меня их трое.
А годы от отцов к сынам летят,
Из рук в их руки переходит сила.
Тревожен и горяч девичий взгляд,
Девичья стать, она всегда красива.
...А у меня три сына.
Путь каждого на белом свете нов,
Не повторится и в простом простое.
И родина зовет своих сынов
Учиться жить и будущее строить.

...А у меня их трое.
Но вновь враги грозятся небосвод
Огнем обрушить — что там Хиросима!
Но Разум протестует, Долг растет,
И крепнет мирный Труд. Вот это — сила
У всей Земли три сына.

ОЧЕВИДЕЦ

Ко мне пришло известье:
Нашелся наконец
Тот человек, с кем вместе
Был в смертный час отец.
Больным, тревожным жаром
Зашлась душа опять,
Отчаявшись не даром
Хоть что-нибудь узнать.
Ведь так горький да горьки,
Ледяно-ледяны
Слова из похоронки,
Что в них — лишь мрак войны...
Скорее в путь!
И адрес
Твержу я наизусть.
Лесами пробираюсь,
Проселками трясусь.
Ну годы, раскачитесь,
Раздвиньтесь же теперь!
Былого очевидец
Мне открывает дверь.
Заныла в сердце жалость.
Я жму в тиши крыльца
Те руки, что касались
В последний раз отца.
Смотрю в глаза солдата,

Теперь уж старика.
В них каменно зажата
Ожившая тоска.
И говорит он слабо
(Меняет хрипотца):
— Не зная, вас узнал бы —
Похожи на отца.
Оп, правда, моложавей... —
Прищурился старик,
И брови задрожали,
И я душою сник.
Да, это не отнимет
И время у солдат —
Посмертно молодыми
Вставать с живыми в ряд.
Но это право горько...
Ведет хозяин в дом,
И за глухой заборкой
Садимся мы вдвоем.
Жду правды с нетерпением
И загодя креплюсь.
Весь становлюсь я зреньем,
Весь слухом становлюсь.
Но вижу, как непросто
Хозяину начать —
Вернуться к страшным верстам
В тех днях и в тех ночах.
Как знак, что полной мерой
Хлебнул он тех невзгод,
К виску, колышась нервно,
С надбровья шрам ползет.
И двигается резко
Над воротом кадык,
Как будто там железка
К дыханию впритык.
Сидит солдат обмякши,

Склоняясь на край стола.
— С отцом-то в Кандалакше
Меня судьба свела.
Там тьма была народа
Для фронтовых команд.
К нам командиром взвода
Он прибыл, лейтенант.
Он заглянул всем в лица,
Точь-в-точь, как вы сейчас,
И приказал грузиться,
И брать боезапас.
И покатился поезд,
И лейтенант в пути
Расспрашивал, знакомясь,
И стал как брат почти.
Да ведь и был годами,
Повадкою своей,
Пожалуй, ровня с нами,
Лишь хмурился строжей.
И все в дверном притворе
Не покидал поста.
Вот замелькали вскоре
Они — его места.
Молчал. От ветра будто
Он вытирал глаза.
Ему бы на минутку
Туда — да вот нельзя.
Нельзя просрочить было,
Поверишь ли, минут.
Навстречу небо плыло
В пожарах там и тут.
Мы в бой рванулись с ходу...
Постой, вздохну чуток, —
И пьет хозяин воду,
Один, другой глоток.
Видать, горел он гормя

От горя и обид,
Что вспомнить лишь — и в горле
Вновь сушит и палит.
Через столько лет!.. Все знойно,
Лишь двинься к рубежу.
Глядит на мертвых воинов,
Я на него гляжу.
Его слова сверяю
Я с памятью своей —
По самому там краю
Лишь блики давних дней.
Их шевелю — и светом
Меня пронзает вмиг.
Да, да, все правда это,
Что говорит старик.
Я помню, то есть вижу,
Как мать письмо отца
С цензурной меткой снизу
Читает у крыльца.
А слезы, слезы — градом
Меж карандашных строк.
— На фронт проехал... рядом,
И заглянуть не смог... —
Вновь сердце накололось
На стон издалека,
А рядом чую голос
Солдата-старика:
— ...Была такая ярость —
Сраженные и те
В захватчиков вцеплялись
В траншейной тесноте.
Отец твой, он без крика,
Но в самый нужный миг
Взлетал — и грудь открыта,
И был грозней, чем крик.
Проверили — отважный,

Да, он не робкий был...
Под Тихвином однажды
Прорвались к немцам в тыл.
Наш взвод — уж так случилось —
Всю роту прикрывал.
Над нами лес в лучину
Гад-немец исщепал,
Но выдохся. В затишье,
Когда приполз связной,
Мы к взводному поближе
Стянулись, кто живой.
Нам гибель — знали сами.
И он отдал приказ,
Чтоб мы домой писали,
Пока связной у нас.
И сам прилег за камень,
А вот писать не мог.
И жегся под руками
Листок, что огонек.
В таком аду — да что там —
До писем ли бойцам.
Вдруг слышим — самолеты!
Глядим: заходят к нам!
Всего страшнее небо
Солдату на войне.
Ползешь — укрыться где бы?
Но небо — на спине.
Я только и запомнил,
Как жажнуло с боков
Да закачались корни
Чернее пауков.
Очнулся — нет, не мертвый,
Смотрю — а взвод полег...
Тут подоспела рота,
И батальон, и полк.
Погибших хоронили,

Искали... Ох, земляк!
Они в песке да в глине
Схоронены и так...
И взводный там, в завале.
Его осколком в бок...
Планшетку только взяли,
В ней смятый тот листок.
Я помню и поныне —
На том листке его
Лишь «Здравствуйте, родные...»
И больше ничего.
Лишь «Здравствуйте» — и только...
И голос хриплый смолк,
И ледяной иголкой
Встал сердцу поперек.
И как-то зыбко, странно
И медленно возник,
Похоже — из тумана
Передо мной старик.
Нет в правде облегченья,
Так правда тяжела,
Проста до помраченья,
Когда она гола...
— Так где ж искать могилу,
Скажи мне, старина?
— За Тихвином то было,
За Тихвином должна... —
И вновь я память вихрю,
Но в письмах горьких лет,
Что я храню, про Тихвин
Нигде помину нет.
И в похоронке нету.
И в справках — ни следа.
— Ну а когда же это
Случилось-то, когда? —
Он говорит нетвердо:

— Кажись, в сорок втором...
— А нам в сорок четвертом
Сообщено о том... —
Глядим мы друг на друга,
Но всяк в себя глядим.
И нам обоим трудно
С открытием таким.
— Ужель во мне затмилось? —
Старик и сам не рад, —
Ужель однофамилец
Был этот лейтенант? —
И вновь сверяем, сводим
И видим наконец,
Что этим славным взводным
Был все ж не мой отец.
А мой — опять в безвестье,
И тяжелей вдвойне:
Теперь два лика вместе
Уже живут во мне.
Во всем судьбою схожи
И в подвиге равны,
Сливаются тревожно
В единый лик они.
И мне, как бы слепому,
В иное не прозреть,
А жить и вечно помнить,
Как надо встретить смерть.
И боль и страх приемля,
И все, чему уж быть,
Но пуще жизни землю
Родимую любить.
И в гибельном прорыве
Живым послать всего
Лишь «Здравствуйте, родные!» —
И больше ничего.

Самолеты гром пропосят в небе,
 Пчелы — звон в медовых клеверах,
 Перелески — вольный шум. А мне бы
 Гул работы разбудить в словах.
 Я о счастье больше не толкую:
 Эти полдни значат что-нибудь.
 С солнечной тропы на теньевую
 Для раздумий лучше повернуть.
 Верно ли живем? Отцы желали,
 Погибая на войне за нас,
 Умной жизни, только мы всегда ли
 Помним кровью облитый наказ?
 Просто прыгать с кочки да на кочку,
 Потруднее обиходить дом.
 В одиночку жить, как жить в рассрочку
 И долгов не отквитать потом...
 Самолеты гром проносят в небе,
 Пчелы — звон в медовых клеверах,
 А для друга дальнего и мне бы
 Гул работы разбудить в словах.
 И про то, о чем я думал ныне,
 Может быть, подумает и он.
 Мир зеленый. Купол неба синий.
 Эхо нескончаемых времен.

РУССКОЕ СЛОВО

Да, конечно, огромна Россия!
 В синь росисто вместились она
 И в себя столько света вместила,
 Что сиять ей во все времена!
 Пласт на пласт поднимала двужильно,
 Хоть враги и топтали жпивье.

А она лишь народы дружила
Через вещее слово свое.
Не за-ради чего, а навечно,
Чтобы прямо глядеть, а не вкось.
И в бесчисленных ныне наречьях
Это слово светло пролилось.
В нем и мудрость, и отблеск алмазный,
Что смогли глубь веков превозмочь,
В нем таятся державные связи
И грядущего нашего мощь.

СОФИЯ

Что о старом? Отболело,
Отошло, как скрип колес,
И под этим храмом белым
Тишиною улеглось.
Что о том? Кричи хоть криком —
Не разбудишь эту тишь.
Лишь в смятении великом
Пред Софией постоишь.

НЕУЗНАВАЕМОСТЬ

«Наш город стал неузнаваем!» —
Как похвальба звучит опять.
О, горький смысл! Так изменяем,
Что стало вправду не узнать.
В неузнаваемости — серость
И разрушительный исход.
И что светилось или пелось,
При ней не светит, не поет...
А мы затем на свет родились,

Чтоб не остаться без следа,
Чтоб наособинку светились
И личности, и города!

ПОЭТЫ

Нету Яшина, нет Рубцова
И Орлова меж нами нет.
Долго будет не зарубцован
На душе обугленный след.

С кем теперь ни дружи и где бы,
Мы увидим из мест любимых
Их стихов высокое небо,
Молодое созвездье их.

Все лучи с трех сторон — к России,
Как и улицы их имен,
К вологодской летят Софии —
К чуду белому — с трех сторон.

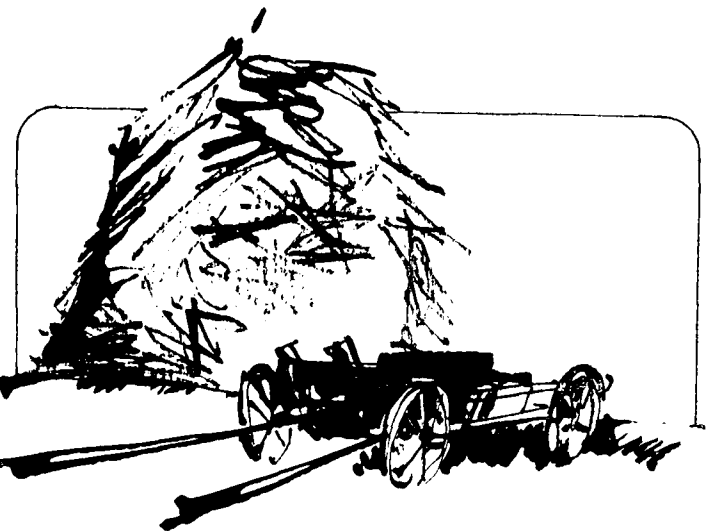
ЯШИН

В отдаленье, а будто рядом
Он стоит под красной рябиной.
Без любви, а с влюбленным взглядом,
Без вины, а с душой повинной.
Одаряет людей кистями,
Будто северной поздней зорькой.
Но объелись люди сладостями,
Разве им до рябины горькой?
В мире нет беды окаянной,
Чем к родной земле безразличье.
Раскаляется в покаянье
Слово медленное, мужичье.

Он выкатывает из сердца
Это слово, почуяв силу,
Чтоб согреться, и опереться,
И всмотреться людям в Россию.
В этом слове для жизни все есть:
Умудренно светит отрада,
Обнаженно тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихи его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные —
Наши клюквинки и рябинки.

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

С ним на улице имени Яшина
Я столкнулся. Он сумрачно брел.
Он когда-то поэта подкашивал,
На трибуны взлетал, как орел.
И рядил, и судил по-чиновничьи,
Мол, поэт ищет только сучки...
Он не видел ни правды, ни горечи
Сквозь свои золотые очки...
— Вы живете на улице Яшина? —
Я спросил. Он ответил: да, здесь.
И улыбка, смотрю, вмиг погашена,
Да и сам передернулся весь.
И взглянул виновато, болезненно,
Мол, прошли уже те времена.
Да, прошли. Но осталась поэзия!
К правде путь пробивает она!
Я напомнить хотел эту истину,
Но ему не сказал ничего.
Лишь взглянул на знакомого пристально:
Очень старый он. Жалко его.

* * *

Оттого скудеем быстро сердцем,
Что пустой тщетой утомлены,
Всем ли нам дано уметь взглянуться
В близь и даль своей же сторопы?
О самих себе в большом и малом
Мним высоко и не усомнясь,
Словно нет и вовсе не бывало
Земляков значительнее нас.
И своей ленивой праздной мыслью
Не летим мы дальше ближних дней,
Словно ни к чему и знать и числить
Летописи родины своей.
Здравствуем под звездами и солнцем,
А не вскинем взгляда выше крыш.

Если тихо нам самим живется,
Значит, в мире благодать и тишь.
И за грудь не схватимся тревожно,
Что кому-то стало вдруг больней,
Словно нету горьких бездорожий
И бессонных, маетных огней...

ГОДЫ

Я жил порой в размахе крут,
Порой в речах негибок
И верил: годы подойдут
Без срывов и ошибок.
Я буду мудр, как старый лось,
Который без запинки
Находит, где б ни привелось,
Все выходы-тропинки.
Но годы шли, я замечал,
Что ждать и верить мало,
Что всех желаемых начал
В тебе самом начало.
Что нет такой поры, мил друг,
За перевалом дальним,
В которой ты предстал бы вдруг
Почти что идеальным.
Нам время краткое дано —
Ломай себя и чисти,
И в буднях, как свое зерно,
Добудь крупичицы истин...

РЕЧЬ

И Аристотель, мудрый грек,
Об этом ведал, глядя в лица:

Знать правду хочет человек,
А правды о себе страшится.
И речь затем изощрена,
Что правда мало в ней задета.
Мы думаем: в ней глубина,
А в ней — незнание ответа.

* * *

А мне-то что! — в сердцах я бросил —
Пускай творят чего хотят!
Не ставлю палки им в колеса,
Лишь отвожу с презреньем взгляд.
Но в этот миг ожгло упреком,
Как будто светом из-за штор.
Ведь у меня творят под боком,
Так почему же «мне-то что»?
А коль ошибкой выйдет — ну-ка —
То, что сегодня решено?
Пусть не меня коснется — внуков,
А это мне не все равно.

РЕКА

Река спокойна... Иль она мертва?
Ни шороха, ни блеска и ни всплеска.
И лишь торчит какая-то трава,
Что вражьи стрелы, холодно и резко.

Я подошел к реке и посмотрел:
Она мертва!
Она мерцает ртутью...
Как будто на одну из этих стрел
Я, наклонившись, напоролся грудью.

ЗАБОТЫ

Кой-где и очереди тают,
А были — плотно плотней.
Меня заботы обступают
Теснее всех очередей.

Их провожаю и встречаю,
А все пред совестью в долгу.
Устану, обожгусь печалью
И, кажется, занемогу.

Нет, надо так работать сердцу
И надо так гореть уму,
Чтоб до конца зарею рдеться
Существованью моему.

* * *

От поколения к поколению,
Как знак, что жизнь всегда трудна,
Не только понизу — коренья,
Но поверху — и седина.

ЧТО ЗАВИСТЬ?

Что зависть? Тень на сердце и глазах.
А далеко ли видится впотьмах?

Что зависть? Немота ленивых рук.
А ты раздвинь, раздвинь привычный круг!

Что зависть? Мелкота своей души.
Поглубже, значит, борозду наши!

И верь, что п тебе судьба дала
Большую жизнь и добрые дела.

...Так накажи и сыну своему:
Вовеки не завидуи никому!

* * *

Старею сердцем от собраний
С пустой и долгой болтовней,
С решеньем, сделанным заране,
Известным вплоть до запятой.
Сижу на них, необходимый,
И чувствую, как надо мной
От сигареты кольца дыма
И вправду вьются сединой...
А где-то есть на травах росы,
И к тихой речке ровный скат,
И над водою там березы,
Как думы, облачно висят.
Пойду туда, все к черту бросив,
Лишь у деревьев на виду
И там пойму, что не к березам,
А к самому себе иду.

* * *

Ты где б ни жил и кем бы ни служил,
Но, кроме городской своей квартиры,
Имей приют, который сердцу мил,
У речки малой иль озерной шири.
Пусть домик старый, пусть шалаш пока,
Чтобы упасть в ромашковой метели,
Бродить босым, пить чай у костерка
И стать таким, каков ты в самом деле.

* * *

Вот так извечно: в людях близких
Не видим редкостных примет,
Не замечаем божьей искры,
Не уважаем мудрость лет.
И лишь потом, когда признают
Из них кого-нибудь в стране,
Мы поразимся: вот оп, с нами,
И даже с нами наравне!
И воздадим хвалу, да только
С пугливой нервностью, боясь
Не сбить признаньем этим с толку,
А толк считается лишь в нас.
А не признают по заслуге
(Исход бывает и таков) —
И человек в привычном круге
Сойдет к разряду чудаков...

* * *

Меж взглядов и чуждых, и наглых
Распахнуто, весь на виду
Иду, не печалюсь о благах,
С достоинством русским иду.
Мне трудно, мне горько — не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показательные герои,
А просто тревожусь за Русь.

* * *

Несовершенен, знаю, человек,
Но будет ли когда он совершенен?
Завинчен в уши многословный век

Как томила листьев залежь
Нас вдвоем в лесу грибном...
В разном свете возникаешь
В одиночестве моем.

В свете сумеречном — щедрой,
Рассудительной — в дневном
И усталую — в вечернем
Я люблю тебя давно.

Потому над золотистой,
Потаенною тропой
Сыпьтесь, листья, сыпьтесь, листья,
Повторяю за тобой.

НЕУРЯДИЦЫ

Неурядицы нередко
Так, бывает, оплетут,
Словно путаная сетка —
Нет концов ни там, ни тут.

Ты замечешься, но тут же
Неурядиц этих сеть
От пустых метаний туже
Станет на сердце висеть.

Лишь с умом — не по наптю,
Лишь с терпеньем — не рывком
Потяни-ка нить за нитью,
Узелок за узелком...

А когда, смеясь и плача,
Скинешь путанку невзгод,
Красной рыбиной удача
Прямо в руки заплывет.

* * *

Виноватый, в поздний срок
Встану пред тобою,
И домашний твой платок
Свяжет сердце болью.

А глаза... Их горький свет...
Слезы все полнее...
В жизни не было и нет
Ничего больнее!

Ну, кори меня, кори
Гневными речами!
Дни мои, как пустыри,
Глохнут за плечами.

Ну, казни меня, казни
Яростным молчаньем!
После дней таких одни
Горечи ночами.

Видно, сбился я с пути
И любви не стою.
Ну, суди меня, суди
Всей своей бедою!

Что решишь — на все готов,
Все приму — не споря.
Но у горя нету слов,
Нету слов у горя.

Ты молчишь, и я молчу,
А в тумане окон
Жизнь, подобная лучу,
Светит издалека.

* * *

Вновь весна. И что же?
В зелени дождей
Сердце не моложе,
Только чуть свежей.
Золотом калужниц,
Синью медуниц,
Трепетаньем лужиц,
Ярмаркою птиц
Вновь весна стремится
Сердце обмануть.
Но в глазах слезится
Наш с тобою путь.
Радости, невзгоды
Не забылись, нет.
И мои годы —
У твоих лет.

* * *

Ты куда улетела, девушка,
Синий ветер за каблучком?
Тонко-тонкая, будто вербушка,
В платье с солнечным воротничком.

Где они, упрежденья мамины,
Где веселые дни весны?
Улетели в воспоминания,
В фотографии, в жаркие сны.

Неужели затем, чтоб ссориться
В кухне с вышившим мужиком,

Падать за полночь, как затворница,
На подушку глухую ничком?

Неужели по жизни трещина?..
И сквозь слезы горьких обид
С терпеливой надеждой женщина
Из весны отшумевшей глядит.

ОДИНОЧЕСТВО

Вот и модны, да одиноки,
Вот и учены, да глупы.
И это жалость — не упреки:
Раз нет любви — так нет судьбы.

И ни при чем тут грады, веси...
Любви под силу жизнь сменить,
Все крайности уравновесить
И пламенем соединить.

СКВОРЕЦ

Как будто чертово кружало,
И суета, и толкотня.
Глядишь, а время убежало —
И горек дым пустого дня.

А вон скворец сидит на ветке,
И у него полно хлопот,
Но он вблизи своей соседки
Уж очень песенно живет.

ОТАВА

До колен зелена отава —
Хоть веди второй сенокос.
У тебя голова кудрява —
Ты вторую жену привез.

До колен зелена отава —
Только скосишь — не просушить.
У тебя голова кудрява —
Только как же вдругорядь жить?

* * *

Неведенья, незнания
Счастливая пора,
Как вдаль дорога санная,
Летела от двора.

А с высоты всеведенья,
С тоскою по добру
Летит тропа заветная
К далекому двору.

КРЫЛЬЦО

Ведро с колодезной водой.
В нем ковшик плавает озябло.
И перемешан дух грибной
С настоем высыпанных яблок.

Пол старый вымыт добела,
И в чуткой свежести уюта

Звенит упорная пчела,
Окошко с небом перепутав...

Я ношу грузную свою
Скорей снимаю с плеч горячих
И в тишине крыльца стою,
Внезапной радостью охвачен.

Как встарь, тесовое крыльцо
Глядит в рябиновый заулок.
Оно моих дорог кольцо,
Как золотой зацеп, замкнуло.

ΠΟΘΕΜΒΥ

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

В нашу речь встает всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом «теща»
Удалое слово «зять».

А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом «свекровь» и «свекор»
Вместе с тихой «снохой».

Соотносится с доверьем
И участием неспроста
Слово «шурин» к слову «деверь»,
Ибо равные места.

И, придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума
Слово дерзкое «золовка»
С обольстительным «кума».

И божественно и жарко
Отзывается в душе
Слово доброе «божатка»,
Ныне редкое уже.

Даже тот, кто вовсе дальний,
Уж чужой, был все же чтим.
Привечали, называли:
«Нам он будет по своим».

Слово каждое светилось
И в достатке, и в нужде:
Колесо родства катилось
По глубокой борозде...

Это хаять не годится
Для чужого торжества.
Я и сам, конечно, спица
В колесе того родства.

Поумнев, я точно вызнал,
Отчего я так окреп.
То родство служило в жизни
Для меня, что черный хлеб...

Черный хлеб с печного пода,
Он — не просто лишь ломоть,
А радушие народа
И земли родимой плоть.

Хлебный корень густо вьется
В пашне, влагой налитой.
А над ней восходит солнце —
Это колос золотой.

Зерна книзу колос клонят,
И летят, летят они
На крестьянские ладони —
Это наши с вами дни.

Ничего отрадней нету,
Чем, сойдясь в родном краю,
Благодарно в руки эти
Положить ладонь свою.

Потому я и волнуюсь,
Очутившись в тишине

Деревянных старых улиц,
Так давно знакомых мне.

Снова звезды в небе стылом
Голубеют, как во льду.
Тропки снегом завалило,
Тропку свежую веду.

Предо мною чутко дремлет
Под пушистой белизной
Пенсионная деревня
Стороны моей лесной.

Светят лампочки в окошках
Сквозь куржавину и лед,
Словно спелая морошка,
Принесенная с болот.

И легко иду я к дому —
На тепло и на ночлег,
Где живет один знакомый
Старый русский человек.

Здесь, поди, во всей округе
Старше нету никого.
Одногодки друг за другом
Все покинули его.

Корнем крепок он, однако,
Жизнь его — что перевал.
Словно конь на пашне, всяко —
Так и эдак — он живал...

Рад увидеть гостя в доме.
Мне светло навстречу встал.
Жарко сходятся ладони
В знак привета и родства.

Взгляд сердечный, неизменный,
Только брови — что в снегу.
С грустью вижу перемены,
Но утешить не могу.

Хорошо его послушать,
В теплом доме погостить,
Освежить раздумьем душу,
Посмеяться, погрустить.

Старый ум покуда ясен,
Память долгая жива.
Не совет, не приукрасит —
Только высветит слова.

О женитьбе

— Ну, как сказать тебе поглаже...
У нас течет занятно жизнь.
Кто овдовеет — живо скажут:
Пока не помер — так женись.
При прежней бытности-то, парень, —
Да ты и сам из этих мест,
Так слышал — сами выбирали
Мы, мужики, себе невест.
А ноне... ладно б молодухи,
Так и старухи — ой, лихи!
Все мужики у них на мушке,
Все па прицеле женихи.
Вот про себя скажу, к примеру:
Вдовец. Решил один дожить.
Жениться — что в другую веру
Мне, христианину, вступить.
Так нет, земляк, не наша сила:
Не звал, а сваха — на порог.

И столь всего наговорила,
Что ни словечка поперек.
Вторично — что коня в упряжку,
А сам-то — тьфу! — запнусь в траве.
Бывает, день ищу фуражку,
А хватъ — она на голове.
Да бабам что — не станешь вровень,
Одно твердят — теплей вдвоем.
А что касательно здоровья,
Так за здоровье, мол, попьем.
И оженили... В новой жизни
Проснулся будто сам не свой.
Смотрю: ну прямо голубь сизой,
Стоит хозяйка надо мной.
«Давай, — бодрит, — вставай, хозяин,
И будем к делу приступать».
Смекаю: эти штучки знаем,
Не так уж, право, простоват.
Но подниматься, вижу, надо:
Женился — нечего дремать.
Такая, веришь ли, досада,
Что, извиняюсь, вспомнил мать.
Но к самовару сел с улыбкой:
Держись, коль вышел поворот!
В избе уже свободной рыбкой
Моя заботница снует.
«Вот, — говорит, — под этой крышей
Не целовали мы икон.
А ветром жизнь свою не пишут —
Пойдем и встанем под закон».
Что возразишь? Я жизнь изведаль...
Надел пиджак хороших лет,
И на крыльцо за нею следом,
И покурлыкал в сельсовет.
Дымлю за нею папирсой.
«Батог-то брось», — мне говорит.

Ну, повертел батог и бросил,
А без него — что инвалид.
Да делать нечего, и вправду
Неловко: все-таки жепих.
До сельсовета так и правим —
Она молчит, и я притих.
А в сельсовете быстро пишут,
Не то что прежде, — благодать.
И никаких вопросов лишних,
И долго нечего стоять.
Ее спросили: «Вы согласны?»
Она, меня поотстраняя,
«Согласны, — говорит, — согласны», —
И за себя, и за меня.
Ну, тем и кончилось. В минуту
Связали век ее и мой.
Идем обратно мы, как будто
Сходили вместе за водой.
Она, смотрю, сияет жаром,
Бок о бок — новая родня.
И утешает: «Ты не старый.
Нет, ты не старый у меня.
Теперь забегаешь, как милой,
Уж позабочусь я, жепа»...
Ох, бабы, брат, большая сила,
Им власть огромная дана.

О вине

Вот у тебя уже ухмылка...
Но я скажу, а ты вникай:
Теперь чуть что — на стол бутылка,
А раньше было — каравай.
Признай же это, сделай милость,
И согласишься без обид,
Что раньше сердце веселилось,

А ныне сердце-то болит.
Читал однажды я газету —
Газеты, брат, у нас в чести, —
Так вот, туда статейку эту
Один писатель поместил.
Он, слава богу, не нахвастал,
Не лез куда-то в высоту,
А всех людей позвал о пьянстве
Поговорить начистоту.
И написал он справедливо,
А я б добавил, что вино
Столь многих в жизни заблудило,
Что уж командует оно.
Вчера скриплю снежком под вечер,
А тихо было — дым прямой.
Гляжу, мне рубчики навстречу
Из лесу правятся домой.
То встанут этак боковато,
То вдруг начнут в снегу петлять.
Я — им: «Что, ветрено, ребята?» —
«Ой, дедко, ветрено опять».
Скажи: в лесу какая лавка?
А где-то смырят, ну, найдут.
Ведь молодые. Ох, как жалко.
Ну а винить кого же тут?..
Толкуют: стали жить богаче,
А потому и веселей.
Веселье — что же это значит?
Бутылка, что ли, на столе?
Нет, брат, худая это песня —
Жизнь интересна не вином,
А трезвым делом интересна.
Когда же пьем — мы не живем.
Нас нету в жизни — хоть и живы!
В тени стакана мы стоим.
И потому-то все фальшиво,

Что перед ним и что за ним.
Страшна, приятель, тень стакана —
В тени не виден человек.
Стоит он вроде истукана,
И белый свет в глазах померк.
Веселье, нет, не угощение,
Мы так напрасно говорим.
Веселье — сердцу утешенье
Здоровым промыслом своим.

О пенсии

Добро живем — вот только солнце
Не греет, стонем от простуд.
А так, дыши — само живется,
И деньги на дом принесут.
Лишь распишись у почтальонши,
И в кучу денежки сгребай,
Да кренделей бери побольше,
Да запасай индийский чай.
Да покупай батон с изюмом,
Конфеты с мякотью внутри...
Грех обижаться — сам подумай,
Вон на старуху посмотри.
Я замуж брал такую разве?
Пошла на пенсию и вот
В одежду прежнюю не влазит,
Обновы, что ни праздник, шьет.
Добро живем. Оборотились,
Хоть и с большим для нас трудом,
Труды былые в справедливость,
И посветлел крестьянский дом.
И есть за что! Поклали силу,
Погоревали от разлук.
Но мы тяжелый серп России
Не выпускали век из рук!

Таких железных и работных,
Как мы, и нету — хоть куда...
Чудные: что такое отдых,
Не понимали никогда.
Так вот, когда настало время
И наших пенсий — боже мой! —
Тогда лишь русская деревня
Определила возраст свой.
И то с трудом: то метрик нету,
А то о выслуге бумаг.
В архиве ищут, в сельсовете,
Туда-сюда — и нет никак.
Вон посмотри в окно на домик.
Машутка в нем, вдова, живет.
Она своих годов не помнит,
Ну, не ведет обычный счет.
Так вот, у этой у Машутки
Нигде не писаны дела.
И что? Сама же сводит к шутке:
«А я, робята, не жила».
Но тьма людей-то наторелых —
Они в годах прикинут счет
И говорят ей: «Остарела».
«Нет, я могучая еще».
«Но как же с пенсией?»
«А стану
Просить совхоз, коль пошатнусь».
«Так срок твой вышел по уставу».
«А я за сроком не гонюсь...»
Всю жизнь бедовая такая,
В любом-то деле — что горит.
«Ведь я работаю руками,
А не годами», — говорит...
Вот это, брат, натура наша!
А кто-то жмет свои года:
Скорей постарше бы, постарше —

Когда же пенсия, когда?!
Иной, бывает, и не старый,
Уйдет от службы — и затих:
Он пишет — как их? — мемуары
О важных подвигах своих.
И что он там ни нагородит!
Стишками часто... Был такой,
Ни сват, ни брат, знакомый вроде.
Послушал я — махнул рукой.
Не надо всем писать под старость,
Когда сгорела жизнь дотла:
Добро вершил — добро осталось,
А нет — развеется зола.

О вечерах

Спасибо, что приехал в гости,
Люблю, кто больно тороват.
Нам время — что! Нам ныне просто
В тепле таком вечеровать...
Вот печку снова накалили,
Углей нажгли... (И красный жар,
Что гроздь пламенной калины,
В совке он тащит в самовар.
И в кухне сразу забасило —
Вода взвилась на белый ход.
И самовар уже насилу
Старик, как увальня, несет.)
Сейчас утихнешь ты, капризный,
Уж погоди — попьем, а там
Тебя долой — и телевизор
Чего-нибудь покажет нам...
(Старик заварку ладит важно.)
А телевизоры у пас
Зовут «бездельниками». В каждом
Дому «бездельники» сейчас.

Но это в шутку, хоть и правда.
Я помню, как по вечерам
Сходились женщины, и пряли,
И сами пели песни нам.
Ах, были песни! Ты не слышал...
Как заведут да поведут —
Так что там стены, что там крыша, —
А степь, и лес, и поле тут.
И ничего душе не жалко,
И никаких не надо слов —
Глядишь, за песней да за прялкой
Навек и выпрядут любовь...
Иной устав и облик ныне,
И прялки брошены давно,
И нитки тянутся льняные
На ткацкое веретено.
И телевизоры мигают,
Как будто длинные глаза.
Глаза такие обегают
И землю всю, и небеса.
Ох и дивились мы вначале!
Все отвалились от работ
И до полуночи торчали,
Поди, неделю напролет.
Прибродит к нам и тетка Оля,
Уж до того она стара,
Что куриц выпустит на волю
И заплутает средь двора.
А тут пришла, сообразила.
Видать, и ей покоя нет.
На эту пору телевизор
Решил показывать балет.
«Мужик-то голый! Да и вертит,
Смотрите, голых... Нет стыда!
Ой, право, в ящике-то черти,
Теперь деваться-то куда?»

И закрестилась, замахалась
Да и понятилась в подклеть.
Ну, смех, конечно. А на старость
Без смеха надо бы глядеть.
Балеты нынче, слышал, в моде.
Ну, что кому. А нам сейчас —
Про нашу жизнь, про наши годы,
Но без кривуль и без прикрас.
Да постановок бы хороших,
Чтоб защемило, парень, тут.
Чтоб вспомнил все, что в жизни прожил,
Узнал, как за морем живут.
Да песен больше бы прекрасных,
Чтоб голос сердце возносил!
А то поют, так все с притрясом,
Бывает, слушать нету сил...
Ну, посумерничали славно,
Отодвигай в сторонку чай.
Идут соседки, слышь, гулявы, —
Давай «бездельника» включай...

О войне

Железом дважды я обласкан,
А это стоит что-нибудь,
В плечо попало на гражданской,
А на Отечественной — в грудь.
Когда умрем, в могилах долго
Без тленья будем мы лежать.
Лишь по невынутым осколкам
Пойдет — само собою — ржавь.
Нас крепко жизни обучала
Война — добром не помянуть!
Война — так в грудь свинец сначала,
Потом лишь — золото на грудь.
Да что о том, лишь сердце маять.

А расскажу я о другом,
Как мы со всей округи в мае
Сошлись, солдаты, за столом.
День выпал чистый, но холодный,
И потому сошлись в избе,
Хоть не родня совсем, а вроде
Все — братья кровные тебе.
Смеемся, шутим друг над дружкой:
Ведь живы, хоть и мало нас.
И, как бывало раньше — кружки,
Стаканы сдвинули зараз.
И потянуло к разговору
Про фронтовую нашу жизнь.
И знаешь, выяснилось вскоре,
Что все фронта в избе сошлись.
Я был на том, сосед — на этом,
А третий бился на другом,
Четвертый — дальше за соседом,
А пятый — на море самом.
Как широка Россия наша
И в горе, знаешь, как любя!
Лишь за нее нам было страшно,
Совсем не страшно за себя.
Вот потому-то нас и мало.
Налили снова доплотна:
За тех, кого недоставало,
Мы опрокинули до дна.
Как будто встали с ними вровень,
И горько было — мочи нет.
Но тут хозяйскою гармонью
Рванул во все меха сосед.
И отошло, и полегчало,
И снова в окнах рассвело.
И все задвигали плечами,
Как бы почуяли тепло.
И в круг широкий поманило.

Эх, знаешь ли, как надо жить:
На радость горя половину
Сумей всегда переложить!
И зашатались половицы,
И заскрипели сапоги,
Как будто годиков по тридцать
Смахнули с плеч фронтовики.
Как будто все еще не деды,
И все еще у главных дел.
Вдруг слышим: «Колька,
Колька, где ты?»
Взглянули: Буков захмелел.
Он до того сидел без звука.
Большой, что угол в том дому.
И видно, брата вспомнил Буков,
И стало брата жаль ему.
Он стол с посудой отодвинул,
В толпе рукой расчистил путь
И разогнул сухую спину —
Все мужики ему по грудь.
Он инвалид, нога не гнется
В колене, ходит — что метет.
А тут, глядим, па пляску рвется
И ногу вытянул вперед.
Все расступились.
Слышим только,
Как он, рубаху теребя,
Кричит одно: «Эх, Колька, Колька!
А я хоть топну за тебя...»
И начал топать да кружиться,
Да на одной-то все ноге.
Стонало горе в половицах,
Стонало горе в потолке.
А та, которая не гнется,
Нога торчала, словно жердь.
Смахнул бы все,

Что подвернется,
И было больно нам смотреть.
Ну а гармонья так играла,
Так пела, чуть ли не рвалась.
И хоть народ сидел бывалый,
Но слезы вышибло из глаз.
Добро, что бабы не видали...
Вот что такое, брат, война.
А ты мне — что-то про медали,
А ты мне тут — про ордена.

О земле

Для вас, которые моложе,
Земля — лишь песни да слова.
А для меня — одно и то же,
Что сердце, руки, голова.
Вот так занятно получилось —
За нами вы, ребята, шли
И на своей земле родились,
Но без своей уже земли.
А я к земле приставлен сроду,
К земле, ну, к пахоте самой,
И всю познал ее невзгону:
Что было с ней, то и со мной.
Я — двух веков крестьянский житель.
И в старом веке я имел
Угодье трав, участок жита,
Ну то есть собственный надел.
И землю эту отдал людям,
В колхоз вступил я с первых дней,
Но было трудно, ох как трудно
Ее признать опять своей,
Она как будто бы остыла,
Когда пошла под общий плуг.
И стала — что скрывать — постылой,

Ничьей как будто стала вдруг.
Хотя умом-то ведал: наша,
Да вот поди... Лишь не спеша
Я понял, что земля — не пашня,
А что земля — моя душа.
Душа, в нее попробуй вникни,
Коль там межа по-за меже.
Какие есть на свете книги,
Все, до единой, о душе.
Писали люди их веками
И ныне пишут хоть куда,
И все вникают, все вникают —
Не знаю, вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть греши, хоть не греши,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...
А ведь земля, взгляни-ко, — диво!
К ней прислонись навек душой,
Так и в несчастье ты счастливый,
Так и в беде — ты сам большой.
Вдохни-ко — так и кормит духом!
Вчера иду — парит везде,
И слышу — пробует Колюха
Свой трактор в свежей борозде.
Колюху я по звуку знаю.
Пусти хоть десять тракторов,
Так я с закрытыми глазами
Скажу, который тут Быстров.
Он звук ведет, как будто пляшет.
Да и плясать, стервец, мастак!
Он генерал лесов и пашен,
И без пего теперь — никак.
Он сеет хлеб, картошку сажит,
Прет без пути и без дорог...
И на центральную усадьбу

Уж полдеревни уволок.
И мне говаривал зимою:
«Чего живешь к земле впритык?
Давай-ко я тебе устрою
Переселение, старик».
А я: «Зачем?» Он скалит зубы:
«Да как зачем — чтоб не отстать
И с молодой женою в клубе
Кино глядеть и танцевать».
«Но мне и здесь, — твержу, — не скучно.
А у тебя такой напор,
Что свез бы всю Россию в кучу,
А ей ведь надобен простор».
«Простору хватит, — он смеется, —
И силы нам не занимать.
Я сам вытягиваю солнце,
Чтоб вам утрами не проспять».
(И он, хвастун, ответил верно:
В его руках сто лошадей,
И раньше всех встает в деревне,
Да и ложится всех поздней.)
«А ехать ежели не хочешь, —
Он говорит, — живи себе,
И стереги тут пни да кочки,
Да мух дави в своей избе.
А мы наведываться станем...»
Вот вышла в жизни колея.
Последний, может быть, крестьянин
В своей деревне — это я.
Колюха, парень он полезный,
Но вроде как мастеровой:
Не столько в землю, сколь в железо
Пока вникает головой.
А вот ему бы на подмогу,
Чтобы азарт к земле не стих,
Парней толковых бы немного

Да девок, девок молодых,
Чтоб нарожали тут народу
И жили, сердце веселя.
И вот тогда-то новым ходом
Пошла бы матушка-земля.
И мы, взглянув на ваш зажиток,
Смогли спокойно бы сказать,
Что наработались досы́та.
И, значит, время умирать.

О смерти

А век живу — не надоело,
Хоть было горя и обид...
Смотри — рубаха близко к телу,
А смерть и ближе, может быть.
Страшит ли смерть — тот миг последний,
Который вырвет свет из глаз?
Нет! А страшит всегда предсмертье,
Что на земле не будет нас.
И лишь покаяться возможно —
Поправить ничего нельзя
В своих словах, слетавших ложно,
В своих годах, прожитых зря.
Я мыслю так — меня не путай, —
Что человек без всякой лжи
Лишь в те, предсмертные минуты
И узнаёт, как надо жить,
Но рассказать уже не может,
Других не может научить.
И тайну с ним на смертном ложе
Погасят черные лучи.
Одно дается нам — как следно
Уйти и свет не заслонить...
Ну вот послушай напоследок
Про Катерицу — так и быть.

Она как будто бы с березы
Скатилась в мир и век жила.
И полила ночами слезы —
Вот и лицом была бела.
И то сказать: ее хозяин
Погиб в бою за город Брест.
И Катерину замуж звали —
Всем отказала наотрез.
Свою беду одна бедую,
Осталась верная себе:
Откуда ветер ни подует,
А все равно — в ее избе.
Но никаких от бабы жалоб
И никакого людям зла.
Иным и нынче не мешало б
Попомнить, как она жила.
И вот когда пошел мутиться
Пред Катериной белый свет,
Примчалась на дом фельдшерица,
А Катерины дома нет.
Ну, где она? Куда пропала?
Искать! (А бабы рвали лен!)
Так отыскивали за снопами:
В руках со льном сидит в наклон.
В себе была. Лишь под глазами
Холодное наволоклось.
«Вот и пора, — она сказала, —
Теперь уж я — ни в сноп, ни в горсть...»
Ну тихо под руки подняли
И повели. И шла она
В последний раз по травам вялым
С волоткой сорванного льна.
На остановках через силу
Касалась трав и борозды
И баб испуганных просила
Сорвать какие-то цветы.

Но бабы в этих травах жухлых
Цветов увидеть не могли
И поднимали вновь старуху,
Как отрывали от земли.
Она с беспомощным укором
Сквозь них глядела — дрожь брала.
Потом с улыбкою покорной
Неторопливо вновь брела.
Когда дошла до той березы,
Что у ее стоит окна,
Остановилась и бесслезно
Кору погладила она.
И вдруг упала... В дом старуху
Уж заносили на руках.
Шептала, зная, молитву глухо,
Понять пытались, но никак.
А фельдшерица — ясно дело
(Как и в дороге) — вокруг нее.
Вдруг Катерина поглядела —
Из забытья п в забытье —
Так ясно, чисто поглядела,
Да так спокойно, что в избе
Затихли все оторопело,
И стало всем не по себе.
А Катерина фельдшерицу
Чуть отстранила, а потом
Сказала: «Дали бы напиться
С реки...» И сразу ожил дом!
Ведро схватили — и на речку:
Лишь ветром вымело следы,
Лишь дважды звякнуло крылечко —
И вот несут стакан воды.
А речка, знаешь сам, какая:
На дне ее кипят ключи.
Роса дымится на стакане,
А в нем расходятся лучи.

Но руки старые ослабли —
Стакан дрожал, и ей на грудь
Текли, текли большие капли,
Но не давала их стряхнуть.
Пускай текут — полегче телу.
Вздыхнув, откинулась назад
И на простенок посмотрела,
А там на снимке — муж-солдат.
Я знал его. На снимке вышел
Он, будто парень, молодым.
И Катерина еле слышно
Шептала что-то перед ним.
И заревели наши бабы.
Она рукой подозвала:
«Вон там, в шкафу!» — сказала ябло; —
В глазах уже скопилась мгла.
Открыли шкаф. А там, как следно, —
Одежды горестный запас.
Сама себе наряд последний
Заране сшила — знала час.
И бабы встали тихо, с краю...
Она, березово-бела,
Вздыхнула тихо: «Умираю»... —
И умерла.

Спасибо

Благословенен час меж тьмой и светом!
Проснешься — а в избе еще темно.
Как древняя икона, чуть заметно
Вытаивает синее окно.
За кухонной заборкою сквозь щели
Желтеют блики наподобье свеч.
И слышишь, как спокойно и священно
Хозяйка вновь растапливает печь.
О, жизни круг! Воистину чудесно

Гудит в печи березовый огонь,
Вода вскипает, и ложится тесто,
Что в колыбель, с ладони на ладонь.
И ты не спишь, хотя глаза сомкнуты,
Лежишь, как будто в облаке, в тепле,
И понимаешь в эти вот минуты,
Как хорошо родиться на земле.
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!
Лежишь и улыбаешься сквозь дрему
Хозяйке, утру, будущему дню.
И чувствуешь — опахивает с кухни,
С печной лопаты, с пода самого
Ржаным, горячим, в поздри бьющим духом:
Явился хлеб — как жизни торжество!
Пора вставать! Уже — гляди-ко — в окнах
Скопилась тихо голубая высь.
И облака, что длинные волокна,
На розовых лучинах подожглись.
Скорей умыться! И горстями шумно
Ты плещешь на себя такой водой,
Что если молод — сразу станешь юный,
А если стар — то сразу молодой.
Потом берешь льняное полотенце,
Беленное на мартовских снегах.
Раз утереться — на день разогреться,
Как будто свежесть подержать в руках.
А на столе в сиянье чистых окон
Лежат, что золотистые круги,
И каравай, с достоинством, высокий,
И перед ним — с начинкой пироги.
Вот чем от горя мы всегда хранимы.
Я, может быть, в глазах того нелеп,
Кто говорит, не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба? Здравствуй, черный хлеб!
Сажусь за стол с хозяевами рядом.

Старик неспешно режет каравай
И на меня глядит хорошим взглядом —
Ешь на здоровье, гостью вспомянай.
От них опять я уезжаю в город:
Там ждут дела, товарищи, семья.
Старик грустит: «Приедешь к нам вдругорядь
И не застанешь, может быть, меня».
«Ну что ты! — говорю ему. — Ну, полно...»
А он перебивает: «Хошь не хошь,
А срок я чую. Ты меня попомни,
Приди ко мне — услышу, как приедешь».
От этих слов под сердцем зазнобило.
Я говорю, но чувствую опять —
Слова пусты. Они теряют силу,
Когда неправду силишься сказать.
Ну а старик — вот умница — с улыбкой
Перебивает: «Больно не тужи!
Когда приедешь, не печалься шибко,
Иди к Быстрову, славный он мужик.
И встретит, и, куда ты хошь, прокатит.
Ему бы на кабину бубенец!
Что жеребца, пришпоривает трактор,
Смотри, чтоб не пришиб кого, стервец...»
И вновь от сердца отлегло, и надо
Сбираться в путь. Дневник закончен мой —
Открыл его с последним снегопадом,
А закрываю с первою травой.
Перед уходом посидев на лавке,
Застегиваю лямки рюкзака.
«Спасибо», — низко кланяюсь хозяйке.
«Спасибо», — обнимаю старика.
Растроганы прощальной минутой,
Они стоят беспомощно в избе
И руку жмут: «Ну, ветерок попутный,
Ну, путь-дорога скатертью тебе»...
Я выбираюсь на проселок древний,

А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни — родовые наши гнезда —
Омыты грозовой синевой.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И, сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

СЕВЕРЯНОВНА

1

Погода нас натешила:
Ох, были кутежи!
Февраль косматым лешим
За ельники бежит.
И яснится, яснится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Тревожно, ознобно
К милой рвусь.
Она за дальним волоком,
За Кубеной-рекой.

А волок — синим облаком:
Дороги — никакой.
Подождать погоды
Хотя б чуть-чуть,
Когда пароходы
Рванутся в путь.
Но не могу иначе,
Прости, родимый дом!
Гостинец в сумку прячу —
И в ростенель пешком.
Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна, что глаз медвежий,
С тучкой — бельмом.
Встань на дорогу
И сам медведь —
Смогу, ей-богу,
Сшибить, одолеть.
Лечу-метелю —
Не тяжело!
Кончился ельник,
Смотрю — рассвело!
Смотрю ошарашенно.
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце коlobком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
— Не это ли, скажите,
Кубена-река?
— Да, — отвечают, — Кубена. —
Ах, наконец она!
Как будто я пригубил
Сельновского вина.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?

— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ко, водополица
Вон какая прет,
И трещит, и колетса
На Кубене лед... —
Я говорю не дрогнув:
— Вернуться не могу.
— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую,
Надо позарез!
— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.
На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки-повадушки
Ой какие тут!
Здоровые да чистые,
Долгой красоты.
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты? —
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: стораю
На стылом берегу.
И твердо повторяю:
— Остаться не могу!
Они как будто сердятся:
— Ну что ж, бреди,
Да только сердце,
Смотри, не застуди... —
Эх, кубенская быстрая,
Надледная вода,

Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.
Скольжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводя меряю
То там, то здесь.
Куда ни тронусь,
Как на беду —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
Парень, вернись!
Не воротиться,
Была не была!
Сумка с гостинцем,
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну.
И сам я слабну,
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил колышек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьет золотые
Веревки мне.
Хватаю, верю,
Совсем огруз,

Но рядом берег,
Ольховый куст.
И, чуть не погубленный
В яростном льду,
Счастливый, за Кубеной
Утром иду.
Сияет березник,
Сияет сосняк,
Сияет облезлый
Мелькнувший беляк.
Сияет и щепка,
Которую шул.
От Кубены крепкий
Доносится гул.
Во рту пересохло,
Бегом, бегом.
И вот невысокий
С перильцами дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

2

Постлала скатерть новую
(Честь-почесть дорога),
Льняную, отбеленную
На мартовских снегах.
Захолодало заново

От скатерти в дому.
— Зови-ко, Северяновна,
Матушку саму.
Я за тобою! Чуешь? —
И, перепав в лице,
В моих руках качнулась,
Как в золотом кольце.
Мать вышывает, вострая.
Мы — порознь второпях.
Но наша тайна — господи! —
Пылает на губах.
Все видит — что расспрашивать!
О, взгляды матерей!
— Я вот за дочкой вашей...
— Да вижу, что за ней... —
И села — плакать хочется,
Да надо перемочь.
— Согласна ли ты, доченька?
— Согласна, — шепчет дочь. —
Платок поспешно вынула
И скомкала в горсти.
— Ну, что ты плачешь, милая!
— Да плачется, прости... —
Давно ли дочка прыгала
С веревочкой в руках?
Давно ль рассталась с играми
На невских берегах?
В то лето предвоенное
Так молодо жилось:
Невой росисто веяло
Средь радуг и берез.
Ну, мама, мама, надо ли?
Но ТАМ у мамы взгляд.
Расстрелянные радуги
Осколками свистят.
И ТАМ вот эта девочка,

Блокадное дитя,
К ней снова жметя немочно
В седых очередях.
И, как травинка, падает
У мамы за спиной,
Когда везут по Ладого,
По нитке ледяной...
Не выжить ей, наверное,
Когда б за черным льдом
Не опахнуло севером,
Снегами, а потом
Дымками, замелькавшими
В толкучке тупика,
И кашей, ложкой каши,
И кружкой кипятка,
И паром, раскатившимся
Во множество колец,
И днем, и возвратившейся
Жизнью наконец...
— Ну, мама, мама, надо ли? —
Мать поднимает взгляд —
А на ресницах радуги
Размывчато горят.
Певучая скворечня
Сверкает у окна.
И старость тем утешена,
Что молодость красна.
Летает, ходит рядышком,
Свои пути торит...
Глядит пытливо матушка
И тихо говорит:
— Любовь делите поровну —
Пусть будет дорога,
Пусть льется речкой полною
В годах, как в берегах.
По верности — достойная

Тех, кто себя не спас,
Кем пули остановлены,
Направленные в нас.
А красотою равная
Родимой стороне
С березами, и травами,
И солнцем на стерне...
Что прожито — все наново
Идет, листвою сквозя,
И рядом Северяновны,
Любви моей глаза.
В нетерпеливых искорках
И от ресниц в тени,
Огромные и близкие,
Придвинулись они.

3

Не было думы —
Да надумали вдруг,
Не было времени —
Да стало досуг.
Порешили ехать
С молодой женой
В заволочье синее
Гладью водяной.
Выходила на берег,
Говорила мать:
— Надо ей, молоденькой,
Родину казать.
Чтоб на сердце — ясно,
Чтоб в глазах — не дымно,
Чтоб не слой — три слоя
Жизни было видно.
...Водополь веселая,
Стукнув о борта,

Позади свивается
В белых два жгута.
Волны-то катаются —
Белые кряжи,
А в лицо черемуха
Будто бы пуржит.
Белое-то озеро
Шире-широка,
Словно протянувшееся
Утро сквозь века.
В дымку заозерную
Зорче взгляд упри:
Вычертится Новгород
Из седой зари.
А оттуда в лодках
Дыбом, внахлест
Выгребают молодцы —
Дюжая кость.
А в глазах — полнеба,
В бородах — ветра,
На ремнях с насечкой —
Отблеск топора.
Душу потешили
Эти топоры:
Рублеными молниями
Прянули шатры.
И горели гормя
Выше грив лесных,
Будто капли солнышка,
Луковки на них.
До студена моря —
Во какой размах! —
Обживались гости
В белых теремах.
Веял жар застенчивый
В женах молодых,

Свет летел на плечи
От волос льняных.
Этот жар не слабнул,
Этот свет не мерк
С добротой, с достоинством,
С верностью навек.
И они рожали
В горницах детей —
Золотое крылышко
Красоты своей.
Сквозь леса, сквозь годы
Тихое на вид,
Все оно летело,
Все оно летит.

..Смотрит Северяновна
В эту даль востро.
И во мне светает:
Чувствует родство.
...Вот на горизонте
В елочный проем
Вплыло Ферапонтово
Каменным костром.
От страстей великих,
Бушевавших в нем,
Сквозь столетья лики
Теплятся огнем.
Валет певучих линий
В храме одержим
Голубым, малиновым,
Белым, золотым.
А вокруг да около
Сколько люда тут!
Из краев далеких
Едут и идут.
А оттуда, с выси, —

Взгляд и мудр и прям,
Будто Дионисий
Это смотрит сам.
...Долго Северяновна
Бродит в тишине.
Видит, видит главное,
То, что видно мне.

И опять над мачтами
Шелестит кумач.
Это что? Не сказка ли
Ткется между мачт?
Это лебедино
Ткется к ряду ряд
Заволочья дивного
Первостольный град.
На плечах — узорочье,
На поясе — вязь.
Зелено и солнечно
Он встречает нас.
И плывут румяные
В сторону дымы.
...Глянь-ко, Северяновна!
Вот и дома мы.
В платье, ловком, простеньком,
Очень молоду,
По дрожливым мостикам
С палубы веду.
По тесовой пристани,
Где пенится квас,
Мимо глаз завистливых,
Мимо добрых глаз,
Прямо на дорогу —
Волосы вразлет!
Гляну сбоку —
Свежесть опашнет.

Улыбнется милая,
И в руке легка
Полная и сильная
Жаркая рука.
Мы летим мимо
Домиков в резьбе
По проспекту длинному
В комнату к себе.
В ней в окошке любом
Плавает солнце...
Была бы любовь —
Счастье найдется.

СЫНОВЬЯ

Провожание

Какие волосы у сына,
Закинутые второпях!
Что мягкий лен, какого ныне
Уже не встретить в деревнях.
До плеч — не то чтоб всех длиннее,
Но в школе всех они светлей.
Десятиклассниц удивленья
И маета учителей.
Но вот экзамены — а дале —
Пункт призывной — и в тень травы
Скатились русые, упали,
Как всплеск, с веселой головы.
И вышел из военкомата
Наш сын, наш мальчик, наш пока,
Осанка и молодцевата,
Но шея — боже — как тонка!

Он подходил, смятенье пряча,
Походкой, якобы мужской,
А взгляд его, совсем ребячий,
Толкнулся в сердце нам тоской.
Мы обнялись. Он с нами, с нами!
Но снова боль отозвалась,
Что сыновья растут рывками
И отдаляются от нас.
Миг — зоревые горны детства,
Миг — ученичества скамья.
И не успели в них взглядеться —
Уже солдаты сыновья.
Заботы нам томили плечи —
Не гривы, как у сыновей.
Нам тяжело было, им-то легче,
Но легче — менее ль трудней?
В судьбе у нас войны и жизни
Переплетенные узлы.
А что сыны успели вызнать?
Их ночи тихи, дни теплы.
А жизнь законы грозно пишет,
И сыновьям подходит срок,
Быть может, нашего повыше
Перешагнуть и свой порог...
Скорей домой, на проводины,
Сзывай товарищей, подруг!
Да как же это, сын родимый,
У нас опять случилось вдруг?
...И вот сидим перед дорогой —
За старшим средний, а рядом
И младший сын со стрижкой строгой,
В глазах с прощальным ветерком.
Сидят друзья и домочадцы.
Вновь растревожен лад и быт.
О, сколько нам еще прощаться
Друг с другом в жизни предстоит!..

Шумит стесненная квартира.
Ребята ростом высоки.
В такой для поколенья мира
Неподходящи потолки.
Но им пока была б гитара.
Гитара — вправду хорошо.
И звук щемящего удара,
Как дождик, по сердцу прошел.
Отрадно, чисто и широко
В квартире стало. И затих
Сын, оперевшийся на локоть,
В кругу товарищей своих.
Лишь тут, за вечер до разлуки,
Любуясь им в кругу парней,
Мы догадались: нет подруги,
И стал нам сын еще родней.
И беззащитней, и дороже
Он стал мальчишеством своим.
Ну где ж ты, девочка, ну что же
Ты не нашлась, не встала с ним?
Куда ты ходишь, загорая,
В какие дали хочешь плыть
И кто ты есть, одна такая?
Ведь ты должна же где-то быть...
...Под нервный топот на вокзале,
Под нетерпенье поездов
Что скажешь, если не сказали
За восемнадцать их годов?
Ребят взмывает окрик бравый.
Их строят. Жизнь пошла своя.
Отцы и матери — направо,
Налево — только сыновья.
Щемит в груди от их равенья.
И мы глядим, глядим, глядим
В глаза молодого поколения
С благословением одним —

Вставать у всех границ державы:
Границ отеческой земли,
Границ отечественной славы,
Границ, что в плоть и в кровь вошли!

Служба

Отшумел, отгудел и за лесом
Скрылся поезд. И, ветром обдав,
Замерцали холодные рельсы,
Как штыки пограничных застав.
И пад ними летел, удлинялся
Взгляд сыновний, туманный уже.
Удалялся он все, удалялся
И струной оборвался в душе...
Сколько было до нас провожаний
В этих русских полях и лесах!
Наши матери следом бежали,
Наши бабки крестились в слезах.
И ничьи чужеземные дали
Ни в какой исторический срок
Провожаний таких не видали
То на запад, а то на восток.
И нигде столь горьки и бедовы
Не вскипали так часто слова:
«Вековухи», «солдатки» и «вдовы»,
Как в березовых далях славян...
Отшумел, отгудел и растаял
Скорый поезд. А небо лилось
И мерцало на рельсовой стали,
Словно искры родительских слез.
Кто сказал, что солдатские сроки —
Служба только самих сыновей?
Сыновья еще в вихре дороги,
Мы же — в вихре встревоженных дней.
Мы с ревнивой надеждою снова
У далеких казарм сыновей.

Хоть верна сопричастность отцова,
Материнская —
Вдвое верней.
Погляди в материнские лица,
Их слова по-мужски не отринь,
И тебе на минуту помнится
Облик русских былых героинь.
Им терпенья и стойкости хватит
Пережить и суровее дни.
В каждом мимо идущем солдате
Видят сына родного они.
Нету писем — им снова не спится,
От тоски выцветают глаза.
Добрались бы к сынам до границы,
Чтоб увидеть, да это нельзя.
Промелькнет почтальон —
Настежь двери,
Стукнет гость — встрепенутся опять.
Только матери могут так верить,
Только матери могут так ждать!
Ну а бабушки, тихо вздыхая,
Внуков ждут по своей старине:
Что за почта у них полевая
И в какой же они стороне?
Им покажут. И долго, и немо,
Как смотрели полвека назад,
Что-то вспомнив, уставятся в небо
И глядят на закат, на закат.
По домам в ожидания эти
Поднимаются пики антенн
И листаются зорко газеты:
В них свистят сквозняки перемен.
Мир бурлит и тревоги торопит,
Прибавляет живущим забот.
И встает пред глазами Европа,
Да и Азия тоже встает.

Возвращение

Дверь распахнулась. Вот он, сын!
И замерла секунда.
Последний шаг, да, шаг один
Нас разделял покуда.
И руки сына в этот миг —
На материны руки.
Она к нему. Он к ней приник —
И вот конец разлуки.
Объятье сына горячо,
Шутейно косолапо.
Окрепло, чувствую, плечо,
А вот мое — ослабло.
Ладони старших братовой
Трещат в его ладонях.
А в окнах пляска тополей,
Таких густо-зеленых.
Прекрасно возвращенье в дом
В погонах, в добром здравье,
В своем расцвете молодом
И в майском разнотравье!
...А было — пусть не о таком —
О возвращенье просто
Тоска дымила табаком
В войну тысячеверстно.
И те спасители земли
Сквозь адовые муки
До возвращенья не дошли...
За них приходят внуки.
И вот солдат в родном дому
Расстегивает китель.
Как хорошо, тепло ему,
Как он окреп — глядите!
Куда повесить?.. — бросил взгляд
И старый шкаф заметил.

Открыл. Два кителя висят.
И свой придвинул. Третий.
И мысль одна ожгла опять:
Ужели по приказу
Сынам придется надевать
Все три, всем трем и сразу?
Но май — ох, этот добрый май —
Сулит душе надежду.
Скорей солдату подавай
Гражданскую одежду!
И по рукам она пошла.
Наденет — снова снимет.
Трещит гражданская по швам
На возмужалом сыне.
Но подобрали... Хоть в Москву
На праздник заявиться!
А что — готовы к марш-броску,
Встречай гостей, столица!
И вот качается вагон,
И, заструив вершины,
Плывут березы с двух сторон,
Как белые кувшины.
Во весь простор, который зрим,
Они в весенних звонах
Плывут над небом голубым
На скатертях зеленых.
О, всем бы жителям равнин
Хватило до избытка
Из этих белых горловин
Прохладного напитка!
И нам бы сок берез испить
С тобой не для забавы,
А жар в груди поостудить
И свежих сил добавить.
Но мимо мы. Уже близка,
Уже слепит огнями,

Уже — куда ни глянь — Москва,
За нами, перед нами.
И после строгости казарм,
Дорог, постов, бессонниц
Москва — не верится глазам —
В красе кремлевских звонниц!
От куполов, гранитных плит,
Дворцов, палат и башен
У нас огонь в крови кипит,
В самосознание нашем.
Времен былых и новых мощь
Всегда, мой сын, едина.
И это, вижу, признаешь
Душою гражданина.

Свадьбы

О свадьбе отлучки сыновьи
Трубили. Но он, нелюдим,
Светился задумчивой новью
И тайной, известной двоим.
Уже избегал чаепитий,
Смеясь, отвечал на ходу:
«Ну что вы пристали — терпите.
Скажу. Покажу. Приведу».
«Где сваты, — вздыхал я, — где сваты?
Они бы рассеяли дым.
Эх, были остры, тороваты!
А мы лишь в окошко глядим...»
Но миг воссиял наконец-то!
Звонок — словно с сердца замок,
И сын со смущенной невестой,
Как с неба — на отчий порог.
Мы замерли. Бросились встретить.
Мы под руку взяли любовь.
И с первого слова на третье
Мы поняли: свадьбу готовь!

И жизнь, словно лодку из плеса,
На стрежень опять понесло.
Я вскинул рабочие весла,
Жена — кормовое весло.
Ни мелей еще, ни излучин,
И ветер сопутствует нам.
И катятся волны певуче
К распахнутым вдаль берегам.
И вдруг берега превратились
В накрытые жарко столы,
И гости с цветами явились,
И песня взлетела с иглы.
...И пело, и плакало что-то
В родительской нашей душе.
И время сверкнуло с налета,
Забывтое нами уже.
Как щеки у нас полыхали
И, встретившись, дух замирал,
Как первыми в жизни стихами
Я тропки к тебе устилал.
И как на воде да на хлебе
В студенческих этих годах
Мы жили... как будто на небе!
Лишь звезды крошились в следах.
Кружили глаза, окружали —
Огромны, чисты и влажны...
Ах, свадьбы сынов возмужалых,
Вы — свет из далекой весны!
...Я взглядом обвел пировавших.
Увидел среди молодых,
Как бабушки — матери наши
Притихли в платочках своих.
Из памяти — дали морозной
Летел к ним все ближе, слышней
Раскатистый посвист полозьев,
Размашистый топот коней.

И звон оглушил колокольный,
И миг озарил красотой.
И радостно стало, и больно
От краткости, давности той.
И снова — ни звонов, ни звуков,
И милые лица в тени...
О, свадьбы удачливых внуков,
Вы — свет из глубокой родни!
...Сквозь годы обрушилось: «Горько!»
И обнял невесту жених.
Шипучая пена восторга
Взвилась из бокалов хмельных.
И в тостах заздравных и шумных
Вздыхался призыв без конца.
Пылали в застолье два юных,
К друг другу склоненных лица.
Что ждет впереди их — узнать бы,
Но знания этого нет...
Ах, свадьбы, сыновние свадьбы,
Вы — в годы грядущие свет!

Жили-были...

«Жили-были дед да баба» —
Сказки сладостный зачин,
Огонек, мигавший слабо.
Ласка бабкиных морщин.
И теплее одеяла
Добрый голос... Он угас.
Про себя ли вспоминала
Или думала о нас?
...Встанут годы — что колосья.
Взглянем в книжки сыновей:
«Жили-были...» Рассмеемся.
Надо б что-то поновей.
Сказка, думаем, — забава.

Что бывало — нынче нет.
В сорок лет — какая баба,
В пятьдесят — какой же дед!

Только солнышко жар-птицей,
Хоть и светит горячо,
С твоего плеча садится
На сыновнее плечо.

Вот и сказка. Вот и свадьба.
И тревожные сперва
«Жили-были дед да баба»
Сердцу вспомнятся слова.

А невеста, вторя всплеску,
Скинет белую фату,
Глянь, из лебедя в невестку
Превратится на лету.
Словно дочь она отныне.
И любуйся и дивись.
Встанет рядом сын — и в сыне
Муж проглянет. Вот и жизнь.
Сказкой свет ее заманчив.
Слышишь, в двери снова стук.
Входит мальчик. Что за мальчик?
«Здравствуй, дед! Я — первый внук»,
И в квартире гам, толкучка.
Дверь откроется — и вот
«Где ты, бабка?» — крикнет внучка
И глазенками сверкнет.
И под шорох листопада
Из счастливых детских снов
«Жили-были дед да баба»
Добрый голос молвит вновь.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

- «Только травы на покосах лягут...»
4
- «Как свернул за поля, так и замер...»
5
- «Взглянул на мать тревожно: как сдала!..»
5
- «По рыжики не выбраться ли нам?..»
6
- «С просьбой тихой и неловкой...»
7
- «Запела мать... Да вправду ли запела?..»
7
- «Что бы мне еще узнать...»
8
- «Не спится матери, все бродит...»
9
- «Для матери в день рожденья...»
10
- «Нет, не в тошке реактивной...»
11
- «Чу! В сенях материнские шаги...»
12
- Родная местность
12
- Пилим снег
13
- Калиновый куст
14
- Молодому земляку
14
- Семья
16
- «Бабы снимали полушалки...»
17
- Дело
18
- Всходы
18
- «Майский лес галдит, кукует...»
19

Зазимок	
19	
«Погибали на моих глазах...»	
20	
Старик	
21	
Календарь	
22	
Итальянское окно	
23	
«Еще не выше трав рябинки...»	
23	
Родился внук	
24	
Имя выбрали Иван	
25	
Бабушка	
26	
«Мудра печаль в полях вечерних...»	
26	
Друг	
27	
«Ветры с севера подули...»	
27	
«Взметнутся стайей журавли с болота...»	
28	
«Все думаю о тех, кто не пришел...»	
29	
«Нет, не забыть мне той работы...»	
30	
Завещание	
31	
Перед рейхстагом	
32	
«Враги опять о том же — о войне...»	
33	
Очевидец	
34	
«Самолеты гром проносят в небе...»	
41	
Русское слово	
41	
София	
42	

Неузнаваемость	42
Поэты	43
Яшин	43
Встреча на улице	44
«Оттого скудеем быстро сердцем...»	45
Годы	46
Речь	46
«А мне-то что! — в сердцах я бросил...»	47
Река	47
Заботы	48
«От поколенья к поколенью...»	48
Что зависть?	48
«Старею сердцем от собраний...»	49
«Ты где б ни жил и кем бы ни служил...»	49
«Вот так извечно: в людях близких...»	50
«Меж взглядов и чуждых, и наглых...»	50
«Несовершенен, знаю, человек...»	50
«Меня, себя заденешь ли...»	51
Листопад	52
Неурядицы	53
«Виноватый, в поздний срок...»	54
«Вновь весна. И что же?..»	55

«Ты куда улетела, девушка...»

55

Одиночество

56

Скворец

56

Отава

57

«Неведенья, незнания...»

57

Крыльцо

57

Поэмы

Черный хлеб

60

Северяновна

84

Сыновья

96

Романов А. А.

Р 69 Дни прозрения: Стихи и поэмы. — М.: Мол.
гвардия, 1985 — 110 с., ил.
50 к. 20 000 экз.

В книгу «Дни прозрения» вошли новые стихи и поэма «Сыновья» известного поэта из Вологды Александра Романова, а также его получившие широкое читательское признание поэмы «Черный хлеб» и «Северяновна». Духовное постижение истории России, трудовые и ратные дела русского народа — вот главные начала нравственного мира этой книги. Обостренно звучит в книге тема переустройства современной русской деревни, ее связи с древними устоями предков и нынешним миром.

Р 4702010200—351
078(02)—85—240—86

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4882

Александр Александрович Романов

ДНИ ПРОЗРЕНИЯ

Рецензент Я. Шведов

Редактор М. Беляев

Художник И. Айдаров

Художественный редактор С. Сахарова

Технический редактор Г. Варыханова

Корректоры Т. Крысанова, Л. Четыркина

Сдано в набор 25.07.85. Подписано в печать 18.11.85. А13727.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,9.
Усл. кр.-отт. 5,1. Учетно-изд. л. 4,9. Тираж 20 000 экз. Цена
50 коп. Заказ 1093.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательств
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.